

На правах рукописи

Комиссарова Ульяна Александровна

**ОБРАЗ ТРИКСТЕРА В МОДЕРНИСТСКОЙ И
ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ РОМАННОЙ ТРАДИЦИИ
(М.А. БУЛГАКОВ, БОРИС АКУНИН)**

Специальность: 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва- 2018

Работа выполнена на кафедре истории журналистики и литературы
образовательного частного учреждения высшего образования
«Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор **Кихней Любовь Геннадьевна.**

Официальные оппоненты:

Гавриков Виталий Александрович – доктор филологических наук (10.01.01; 10.01.08), профессор кафедры менеджмента, государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Брянский филиал.

Солдаткина Янина Викторовна – доктор филологических наук (10.01.01), доцент, профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков Института филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет».

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный университет» (кафедра литературы и журналистики).

Защита состоится 18 января 2018 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.203.23 при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д10/2, ауд. 730.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6.

Объявление о защите и автореферат размещены на сайтах <http://vak.ed.gov.ru> и <http://dissovet.rudn.ru>.

Автореферат разослан «17» декабря 2018 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

А.Е. Базанова

Общая характеристика работы

К постановке проблемы. Реферируемая диссертация посвящена исследованию феномена трикстера в модернистской и постмодернистов романной традиции.

Понятие трикстер перешло в литературоведение из мифологии и культурологии. В мифологии и фольклоре трикстер – это чаще всего антропоморфный образ, божество или животное, которые не подчиняются общим правилам поведения и морали, и совершает противоправные и противоречивые поступки. Как правило, трикстер амбивалентен и все его действия не несут в себе «злого умысла», так как для трикстера важна суть игрового процесса, а не конечный результат.

Обращаясь к истории вопроса, стоит сказать, что феномен трикстера достаточно популярен в научной литературе. Среди исследователей наибольший вклад в рассмотрение данного вопроса внесли такие мыслители, как К. Юнг, П. Радин, К. Леви-Стросс, В.И. Иванов, В.В. Топоров, Ю.И. Манин, Г.Л. Пермяков, Е.А. Костюхин, Ю.М. Лотман, Е.М. Мелетинский, Е.С. Новик и др.

Современные исследователи предложили новые концепции трикстера и расширили это понятие. Д. Гаврилов в труде «Трюкач. Лицедей. Игрок. Образ трикстера в евроазиатском фольклоре» рассмотрел фигуру трикстера, действующего в периоды социальных преобразований, исследовал его функциональную роль и развитие от мифологического (традиционного трикстера) до современного трикстера.

Новый взгляд на трикстера можно найти в статье К. Чернявской «Трикстер, или Путешествие в Хаос», а также в монографии М. Липовецкого «Трикстер и “закрытое” общество».

Исследователи показали, что феномен трикстера, зародившийся в архаической мифологии, получил развитие в мировом фольклоре, в частности, животном эпосе, народных сказках, средневековых шванках и фаблио. Последующее его развитие можно наблюдать в плутовских романах XVI – XVIII веков и комедиях положений того же периода.

Что же касается русской литературы, то в ряде персонажей XVII – XIX веков, по справедливому замечанию М. Липовецкого также можно увидеть некоторые черты, характерные для архетипа трикстера.

Модернистские течения XX века способствовали развитию этого образа (см., например, творчество В. Брюсова). И это не удивительно, учитывая, что само течение модернизма воссоздает мир как некое царство абсурда, хаоса и нестабильности, которое, в большинстве случаев, ждет катастрофа. Именно по

этой причине герой-трикстер так идеально вписывается в модернистскую поэтику. Ярким примером развития феномена трикстера в модернистской романной традиции является произведение М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

В современном искусстве и гуманитарных дисциплинах одним из ведущих течений является постмодернизм. Его базовые установки во многом созвучны трикстерному архетипу. Героев-трикстеров можно наблюдать в постмодернистских произведениях Бориса Акунина, Виктора Пелевина, Владимира Сорокина, Дины Рубиной. Поэтому образ трикстера является одним из определяющих облик культуры XXI века.

Актуальность исследования обусловлена тем, что трикстер является одним из самых распространенных архетипов в литературе нашего времени: постмодернизм часто апеллирует к мифопоэтике трикстера с его амбивалентностью, аксиологической размытостью и сюжетными парадоксами.

Так же, как и в модернизме, в постмодернизме явлены ключевые для развития трикстерства факторы, связанные с субъектной сферой, сюжетно-мотивными комплексами, миромоделирующими основами. В этом отношении, работы М.А. Булгакова и Бориса Акунина представляют собой поле авторского эксперимента и богатый материал для исследования эволюции героев трикстерного плана.

Так, знаковым примером эволюции героев-трикстеров в модернистской романной традиции может служить произведение М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Здесь автор свободно помещает фантастических героев трикстерного типа в современную ему московскую действительность. В «Мастере и Маргарите» Булгаков воссоздает мир как царство хаоса, жестокости и несвободы. В центре его произведения оказываются люди, бессильные перед лицом истории и магической силы, которая несет возмездие тем, кто его заслуживает. Стоит отметить, что одна из знаковых особенностей прозы М. Булгакова – это исключительная сюжетная причудливость, а также фантастичность некоторых ситуаций и деталей, которые тесно переплетаются с обыденностью («Дьяволиада», «Мастер и Маргарита»). Также для романов Михаила Булгакова, как и для большинства модернистских текстов, характерна игра на грани вымысла и реальности, что притягивает трикстерную семантику.

Говоря о современной литературе, стоит отметить, что на передний план выходят два жанра: фантастика и детектив. Произведения именно этих двух жанров ежегодно занимают одни из первых мест в списках бестселлеров. Детективная проза Бориса Акунина занимает особое место в современном литературном процессе. Писатель пытается не только выстроить захватывающий приключенческий сюжет, но и зафиксировать переоценку

ценностей, произошедшую на рубеже веков. По мнению М.А. Черняк, проза Бориса Акунина «предельно точно определяет магистральное направление, связанное со стремлением литературы преодолеть фабульную беспомощность» (Черняк М.А. Отечественная проза XXI века: предварительные итоги первого десятилетия. СПб.; М.: САГА: ФОРУМ, 2009. С. 69-70). Акунин синтезирует элементы массовой литературы (а именно: ориентацию на широкую аудиторию, клишированность, формульность и т.д.) с постмодернистскими приемами (ирония, пародийность, игровые контаминации с жанровыми схемами, интертекстуальность), создавая постмодернистские детективы, в которых реализуется принцип «двойного кодирования».

Так, в романах творчества Б. Акунина можно увидеть новый виток эволюции трикстерных героев. Стоит отметить, что проблема трикстерного комплекса у Акунина до сих пор не была исследована, несмотря на то, что автор достаточно популярен в наше время.

Кроме того, актуальность исследования связана и теоретической составляющей, поскольку выявление трикстерного ядра позволяет установить мифологические истоки романов М. Булгакова и Б. Акунина, решить вопрос о соотношении современной прозы и мифа, уточнить основные признаки трикстерного архетипа, бытующего в классической литературе.

Поэтому предложенная тема, равно как предмет и объект исследования, представляются актуальными и с историко-литературной, и с теоретической позиций.

Объектом исследования являются роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и романы Б. Акунина «Азazelь», «Статский советник», «Планета вода».

Предмет исследования – анализ трикстерного комплекса, связанный с системой персонажей и сюжетикой.

Цель исследования – на основании исследования общетеоретических аспектов трикстерства выявить закономерности художественного функционирования героев-трикстеров в Серебряном веке (В. Брюсов, А. Белый), в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и романах Б. Акунина «Азazelь», «Статский советник», «Планета вода». Данная цель предполагает решение следующих задач:

1. Рассмотреть и систематизировать научные подходы к феномену трикстера. Выявить его сущностные черты и функции;
2. Дать краткий обзор образов героев-трикстеров в мифологии и истории литературы, в том числе в модернистском и постмодернистском дискурсе;

3. Проанализировать образы, модели поведения героев романа М. Булгакова и выявить их трикстерные черты и функции в проекции на мифопоэтический и литературный архетип;
4. Проанализировать постмодернистские романы Б. Акунина («Азazelь», «Статский советник», «Планета вода») и выявить в них трикстерный комплекс в сфере построения образов, сюжетогенных функций и пр.

Теоретико-методологической базой диссертационного исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области изучения феномена трикстера, в частности, работы: К. Юнга, П. Радина, К. Леви-Стросса, В.И. Иванова, В.В. Топорова, Ю.И. Манина, Г.Л. Пермякова, Е.А. Костюхина, Ю.М. Лотмана, Е.М. Мелетинского, Е.С. Новик. Следует особо остановиться на роли российских ученых-фольклористов, чьи работы оказали заметное влияние на изучение трикстерных феноменов. Наиболее полным и системным подходом к исследованию данной темы отличаются работы В.Я. Проппа, Н.Н. Дикова, Е.А. Крейновича, А.А. Попова, Г.Н. Грачева, И.С. Вдовина, Н.А. Алексеева, А.Ф. Анисимова, Г.И. Дзенискевича, Л.Я. Штернберга, Л.П. Потапова, А.В. Смоляка, В.Г. Вайнштейна, С.И. Богораза, Е.А. Алексеенко.

Кроме того, ценным подспорьем для нас стали монографии и статьи, в которых затрагиваются мифопоэтические и интертекстуальные аспекты русского модернизма и постмодернизма (труды М.Ф.Амусина, Ю.Б. Борева, В.В. Бычкова, А.В. Венковой, С.С. Гречишкина, И.П. Ильина, Л.Г. Кихней Д.В. Кротовой, В.В. Курицына, А.В.Лаврова, А.А. Пелипенко, В.П. Руднева, И.П. Смирнова, И.С. Скоропановой, Я.В. Солдаткиной и др.), а также работы, посвященные М. Булгакову (А.А. Арестовой, А.А. Баркова, И.Л. Галинской, А. Зеркалова, Б.В. Соколова, М.О. Чудаковой, Л.М. Яновской, и др.) и Б. Акунину (К.Ф. Герейхановой, Л. Данилкина, Е.Л. Щегловой, О.Ю. Осьмухиной, О.А. Сысоевой, Ю.В. Пономаревой и др.)

Особую методологическую важность в аспекте нашей темы мы придаем исследованиям М. Липовецкого и К. Чернявской.

В работе применялась **комплексная методология**: в ходе анализа мы использовали системно-типологический, культурно-исторический, сравнительно-исторический, мифопоэтический, семиотический методы исследования.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в данной научной работе впервые проводится анализ образов и модели поведения героев, а также сюжетов романов М. Булгакова и Б. Акунина через трикстерную призму. Это позволяет интерпретировать те характерологические особенности героев, которые в контексте традиционной литературоведческой оптики остаются незамеченными. Также, выявление трикстерного ядра

позволяет установить мифогенные истоки романов Булгакова и Акунина и решить вопрос о соотношении модернистской и постмодернистской прозы с культурной традицией, а также уточнить основные признаки трикстерного архетипа, бытующего в классической и современной литературе.

Теоретическая и практическая значимость результатов диссертационного исследования обусловлена тем, что ее выводы могут служить методологическим подспорьем для дальнейшего изучения феномена трикстера в современной литературе, в частности, в произведениях модернистских и постмодернистских авторов. Основные положения исследования могут быть использованы в курсах и спецкурсах по истории русской и зарубежной литературы, культурологии, мифологии – как в вузовской, так и в школьной системе преподавания. Выводы и материалы диссертационного исследования уже нашли практическое применение в лекционном курсе по истории русской литературы, прочитанном соискателем в 2018 г. на факультете журналистики в ИМПЭ им. А.С. Грибоедова.

Апробация работы. Основные положения исследования нашли отражение в докладах, представленных на ежегодных всероссийских конференциях молодых ученых (филологов и журналистов) «Грибоедовские чтения» (в 2015-2018 гг., г. Москва), II и IV Международной научно-практической конференции «Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере» (27-28 марта 2017 г., г. Пенза; 15-16 марта 2018 г. Москва); Международной научно-практической конференции «Филологическая наука на современном этапе: проблемы и перспективы» (24 июня 2016 г., г. Пенза).

Положения, выносимые на защиту:

1. Архетип трикстера, зародившийся в архаической мифологии, в дальнейшем получил широкое развитие в мировом фольклоре, в частности, животном эпосе, народных сказках, средневековых шванках и фаблио. Последующее его развитие можно наблюдать во время расцвета плутовских романов XVI – XVIII веков и комедий положений того же периода. Модернистские течения XX века также внесли весомый вклад в эволюцию данного архетипа. Развитие героев-трикстеров происходит и сегодня: данный образ является одним из самых востребованных в культуре постмодернизма.

2. Свое развитие образ трикстера получил в русской литературе Серебряного века. Ярко выраженную реализацию трикстерного комплекса можно увидеть в лирической дуэли двух поэтов-символистов – Валерия Брюсова и Андрея Белого, обменявшихся серией стихотворений, в которых корреспонденты отождествляют себя с персонажами скандинавской мифологии (Брюсов ассоциирует себя – с темной сущностью: богом Локи, Белый – со

светлой сущностью: богом Бальдром). Поэты пытаются стереть грань между «текстом жизни» и литературным текстом, транспонируя художественную модель поведения в биографическую реальность.

3. Значительная часть персонажей, обретших массовую популярность в советской культуре, представляют собой различные версии трикстерного архетипа. В литературе на первый план выходят «креативные идиоты» и «злые гении», которые объединяют в себе черты таких персонажей, как «жестокий клоун» и «культурный герой». Они ведут «подрывную деятельность», которая парадоксальным образом несет в себе «культуростроительный» эффект. При этом в «советском трикстере» проявляется новая черта, которой раньше традиционный трикстер почти не обладал: «меркантильный интерес». К «советским» трикстерам можно отнести Остапа Бендера из романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев», Беню Крика из одесских рассказов Исаака Бабеля и др.

4. Образ героя-трикстера «советского периода» ярко воплотился в таких героях романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», как Фагот и Бегемот. Они выступают в роли шутов (арлекинов) и являются носителями «смехового начала». Также в театральном и игровом поведении героев отчетливо проявляется ориентация на «художественный жест». Кроме того, кот Бегемот проявляет такую трикстерную черту, как зооморфность и оборотничество. А Фагот обладает многими сверхъестественными способностями, отчетлива связь булгаковских героев с «сакральным контекстом». Данные персонажи отличны от своих мифологических и литературных предшественников, которые с одинаковой легкостью творят добро и зло, тем, что не совершают ни одного по-настоящему злого поступка.

5. В своих произведениях Борис Акунин обращается к архетипу трикстера несколько раз. Чаще всего автор вводит трикстера в текст, чтобы он играл роль антагониста главного героя (Иван Брилинг, Наполеон, князь Пожарский). Реже писатель обращается к трикстерам с функцией «проводника» (Ипполит Зуров). Борис Акунин создает персонажей-двойников, которые одновременно являются антагонистами главного героя. Персонажи восходят к одному мифологическому архетипу и одновременно – в авторской (и читательской) шкале ценностей – противостоят друг другу, играя разные сюжетные роли. Подобное распределение трикстерных функций – находка Бориса Акунина.

Систематизация исследуемого материала в соответствии с целями и задачами исследования определила **структуру работы**. Диссертация включает в себя введение, три главы, заключение, список литературы (180 наименований), шесть приложений и иллюстрации.

Основное содержание работы

Во **введении** представлено обоснование актуальности выбранной темы исследования, степени изученности проблемы, сформулированы объект, предмет, цель, задачи, методология исследования и новизна; заданы основные теоретические основы и обосновываются методологические принципы.

Первая глава («Феномен трикстера. Мифологические истоки и мировая литературная традиция»): состоит из 4 параграфов. В первой главе, рассматриваются и систематизируются научные подходы к феномену трикстера. Выявляются его сущностные черты и функции.

Кроме того, в данной главе дается краткий обзор образов героев-трикстеров в мифологии и истории литературы.

В **параграфе 1.1. («Герой-трикстер» как культурный архетип. К определению понятия)** рассматривается сущность и содержание понятия «трикстер». Приводится анализ трудов и работ исследователей, занимающихся трикстерной проблематикой.

Одну из первых и наиболее обстоятельных концепций трикстера как культурного феномена предложил Пол Радин в работе «Трикстер: исследование мифологии североамериканских индейцев».

Карл Юнг в своих работах (См. Список литературы) рассмотрел образ трикстера как психологический архетип, выявил типичные для трикстера характеристики и проследил его развитие от мифологии до карнавальных традиций.

Леви-Стросс в работе «Культурная антропология» также рассматривает трикстера как плута, озорника.

Образ трикстера рассматривался и на отечественном материале. В.И. Иванов и В.Н. Топоров в работе «Славянские языковые моделирующие системы» указывают на присутствие у героя русских сказок черт трикстера.

Ю.И. Манин в работе «Мифологический плут по данным психологии и теории культуры» анализирует место трикстера, рассматриваемого как синкретический образ, в мифологическом мышлении.

Г.Л. Пермяков в работе «Проделки хитрецов» и Е.А. Костюхин в работе «Типы и формы животного эпоса» изучают структуру текстов, построенных на трюках, также затрагивают проблему трикстера.

Значительный вклад в изучение феномена трикстера принадлежит Ю.М. Лотману: в фундаментальном труде «Культура и взрыв» он отводит героям-трикстерам парадоксальную роль созидателей через разрушение.

Е.М. Мелетинский глубоко разрабатывает генетический аспект проблемы. Истоки трикстерной образности он находит в мифах. В каждой из своих работ он, так или иначе, касается трикстерной проблематики. А в

фундаментальной монографии «Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона» М. Мелетинский делает подробный анализ структуры вороньих трюков и манифестаций Ворона как шамана.

Немалый вклад в осмысление феномена трикстера внесла Е.С. Новик в работах «Фольклор – обряд – верования: опыт структурно-семиотического изучения текстов устной культуры» и «Структура сказочного трюка». Исследовательница разработала концепцию структурно-композиционных связей волшебной сказки и шаманского камлания, ей принадлежит постановка вопроса о взаимоотношениях между структурой сказки и структурой шаманского путешествия. А в работе «Структура сказочного трюка» С. Новик определила основные предикаты трюков, рассмотрела рефлексивный аспект трюка как предугадывание ответной реакции антагониста.

Следует особо остановиться на роли российских ученых-фольклористов, чьи работы оказали заметное влияние на изучение трикстерных феноменов. Наиболее полным и системным подходом к исследованию данной темы отличаются работы В.Я. Проппа. В историко-генетическом аспекте Я. Пропп определяет важнейшие составляющие сказки, связанные с трикстерной проблематикой, среди которых: специфические представления о смерти, обряд инициации и частично шаманизм.

Д. Гаврилов в труде «Трюкач. Лицедей. Игрок. Образ трикстера в евроазиатском фольклоре» рассмотрел фигуру трикстера, действующего в периоды социальных преобразований, исследовал его функциональную роль и развитие от мифологического до современного трикстера.

М. Липовецкий расширяет понятие трикстера и вводит новый термин, характеризующий бытование трикстера в русской культуре советского времени – «советский трикстер».

Так, благодаря анализу работ вышеперечисленных исследователей можно выявить общие характерные черты и функции свойственные трикстерам.

В параграфе 1.2 (Отражение архетипа в мифологии и мировой литературе) разобраны наиболее яркие проявления трикстерного архетипа в мировой и русской литературе.

Для анализа используются легко узнаваемые прототипы героев-трикстеров в мировой классике, такие как: бог Локи, Лис Ренар, Мефистофель, Петр Верховенский, а также герои произведений плутовских романов и комедий положений с ярко выраженным карнавальным-смеховым началом.

Также, в данном параграфе показаны различия мифологического трикстера от традиционного. Так, главным отличием традиционного трикстера от архаического (древнего) трикстера будет то, что его действия и проделки

скорее будут разворачиваться в социальной плоскости, а не в сфере космогонии.

В конце параграфа, обозначив ведущие черты и функции героев-трикстеров, а также временные рамки бытования отдельного образа, проводится классификация трикстеров по типам: мифологический, традиционный, современный (см. таблицу).

В параграфе 1.3 (Образ трикстера в русской лирике Серебряного века (на примере стихотворной переписки Валерия Брюсова и Андрея Белого)) на материале эпистолярного диалога Валерия Брюсова и Андрея Белого, рассматривается, как трикстерный комплекс проявляется в образах лирических героев русской поэзии Серебряного века.

Впервые к образу трикстера В. Брюсов обращается в лирической дуэли со своим оппонентом Андреем Белым, которого поэт отождествляет с Бальдром. Себя же Брюсов идентифицирует с Локи. Облачение поэтов-символистов в маски мифологических двойников сформировало у них новые творческие модели поведения (демонически-трикстерную у Брюсова и ангельски-жертвенную у Белого), которые в свою очередь сформировали мифологически-игровое русло жизненных и литературных отношений. Широко известное противостояние двух знаменитых русских символистов, отраженное в бинарном архетипе взаимоотношений Бальдра и Локи, можно описать как противостояние «светлой» и «темной» сил, запечатленное в одном из магистральных сюжетов скандинавской мифологии.

В параграфе 1.4. (Трикстериада в советской литературе 1920-1930-х годов (обзор по Марку Липовецкому)) рассматривается развитие героя-трикстера в «советский период» и анализируется статья «Трикстер и «закрытое» общество» исследователя Марка Липовецкого. Так, в «советском трикстере» можно увидеть новую черту, которую приобретает герой-трикстер: меркантильный интерес. Также автор статьи указывает, что мобильность «советского» трикстера определяется сменой хозяев.

Вторая глава диссертационной работы («Герои-трикстеры в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») делится на два параграфа. Во второй главе анализируются образы, модели поведения героев романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (Коровьева и Бегемота), а также их трикстерные черты и функции в проекции на мифопоэтический и литературный архетип.

В параграфе 2.1. (Модернистская традиция в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита») рассматривается творчество Михаила Булгакова через призму модернизма.

Одна из знаковых особенностей прозы Булгакова – это исключительная сюжетная причудливость, порой даже абсурдность, а также фантастичность

некоторых ситуаций и деталей, которые тесно переплетаются с обыденностью. В романе «Мастер и Маргарита» можно увидеть обращение к мифам, легендам и даже фольклору. Не зря это произведение определяют как роман-миф.

На модернистскую природу романа указывают: двоемирие; многочисленные символические описания; эксперименты автора с литературной формой; исключительная сюжетная причудливость, порой даже абсурдность, а также фантастичность некоторых ситуаций и деталей, которые тесно переплетаются с обыденностью; перемещение фантастических героев в реальную московскую действительность; значительное повышение требований к читателю (модернизм тяготеет к элитарности); обращение к культуре города (урбанизм).

В параграфе 2.2. (Образы героев-трикстеров в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита») через трикстерную призму анализируются образы героев произведения М. Булгакова «Мастер и Маргарита» - Коровьев и Бегемот.

В ходе анализа, мы приходим к выводу, что оба персонажа имеют черты, которые свойственны как традиционному трикстеру, так и «советскому трикстеру», а именно: Коровьев и Бегемот выступают в роли шутов и являются носителями «смехового начала»; В их театральном и игровом поведении реализуется такая трикстерная особенность, как «художественный жест»; Коту Бегемоту свойственна такая черта, как зооморфность и оборотничество; Фагот обладает многими сверхъестественными способностями, что роднит данного героя с образом демиурга; Сквозь мистический подтекст романа и двоемирие можно увидеть связь булгаковских героев с сакральным контекстом; Герои амбивалентны; выполняют функцию медиатора; обладают лиминальностью.

Однако стоит отметить, что булгаковские герои отличны от своих мифологических и литературных предшественников. Главное отличие в том, что если первые морально амбивалентны, то Фагот и Бегемот, в сущности, не совершают ни одного по-настоящему злого поступка. Все их разрушение направлено на восстановление справедливости и разоблачения неправды.

Третья глава посвящена анализу творчества Бориса Акунина и делится на три параграфа. В **третьей главе (Глава 3. Трансформация архетипа трикстера в романах Бориса Акунина («Азазель», «Статский Советник», «Планета вода»))** рассматривается трикстерная составляющая в культурном пространстве постмодерна. А также, на примере анализа образов персонажей романов Бориса Акунина, прослеживается один из завершающих этапов эволюции трикстерных героев.

В параграфе 3.1. (Трикстер и трикстерная составляющая в культурном пространстве постмодерна) анализируется концепция и структура постмодернистского дискурса.

Черты и специфика рассматриваемого идейно-художественного направления создают «благоприятную среду» для развития такого явления, как трикстерство. Так, в общетеоретических и философских предпосылках данной художественной парадигмы, а также в методологии постмодернистского анализа заведомо содержатся черты трикстерства: ирония, языковая игра, относительность истины, отказ от серьезности и всеобщий плюрализм, цитатность.

В параграфе 3.2 (Герои-трикстеры в романе Бориса Акунина «Азазель») в романе Бориса Акунина «Азазель» выявляется «трикстерный комплекс» в образах героев - граф Зуров и Иван Бриллинг.

Так, в графе Зурове проявляется одна из базовых трикстерных черт – амбивалентность; он любит злые розыгрыши; для достижения цели Зуров прибегает к трюкам и уловкам; использует «карточную символику», которая часто соотносится с трикстерами и шутами; испытывает неопределимое влечение к азартным играм, любит играть с судьбой, не ощущая страха перед смертью; данный герой играет ради самой игры, он не ставит далеко идущих целей.

Второй герой-трикстер Иван Бриллинг предстает перед читателем как «человек будущего». Одной из ключевых целей данного героя является уничтожение старых устоев и созидание новых. Однако действия Бриллинга носят преимущественно деструктивный характер, они направлены на разрушение, что характерно для архетипической модели трикстера-«диверсанта». Также, в данном герое отчетливо проявляется амбивалентность.

В параграфе 3.3. (Трансформация архетипа трикстера в романе Бориса Акунина «Статский советник») в рамках трансформации образа трикстера, рассматривается образ героя романа Б. Акунина «Статский советник» - князя Пожарского.

В образе Пожарского были выявлены такие трикстерные черты, как амбивалентность внешности и характера; лиминальность, игровое начало, ярко выраженное смеховое начало в изображении модели поведения этого персонажа, а также трансформация плутовства и трансгрессии в художественный жест. Пожарский является дублером, злым двойником главного героя Эраста Фандорина, что проявляется как на идеологическом уровне, так и на поведенческом. В сюжете романа он выполняет разрушительную функцию.

В параграфе 3.4. (Герой-трикстер в технократическом детективе Бориса Акунина «Планета вода») через трикстерную призму анализируется образ героя технократического детектива Бориса Акунина «Планета вода» - принца Наполеона.

Наполеон несет в себе черты безумного гения и разрушителя. Однако он также выполняет и функцию демиурга, которая свойственна почти всем мифологическим трикстерам-первопредкам. Он создает собственный город под водой, под его руководством разрабатываются совершенно новые аппараты и виды оружия. Здесь также можно увидеть одну из важных трикстерных черт, которую можно назвать – созидание через разрушение («Культура и взрыв» Ю.М. Лотман).

Нэп представлен в произведении в роли антагониста, противника Фандорина (но при этом не является его злым двойником или тенью), от классического отрицательного персонажа Наполеона отличает амбивалентность.

В заключении обобщаются результаты работы и подводятся ее итоги. Основные выводы диссертации состоят в следующем:

1. Анализ работ ученых, занимающихся изучением «феномена трикстера», позволил вычленить черты, характерные для мифологического и литературного архетипа трикстера в мировой классике: бессознательность; зооморфность и оборотничество; «животное» и «провокационное» начала; стремление к нарушению табу и норм морали; двойственность и возможность пересекать границы миров; трикстеры имеют схожие черты с образом шута, а также обладают «смеховым началом»; в трикстере присутствует утрированная внутренняя конфликтность и «детскость»; в архетип трикстера включен архетип Тени; хитрость трикстера почти не имеет границ; умение трикстера создавать из своего тела предметы роднит его с образом демиурга; трикстер «внеморален», его характеризует амбивалентное отношение к категориям добра и зла. Основной функцией трикстера является функция «провокационная».

2. Генетические корни героев-трикстеров уходят в мифологию и легенды народов мира. Опираясь на исследования ученых (в том числе, Е.М. Мелетинского, Д.А. Гаврилова и А.Б. Рут), мы пришли к заключению, что мифологическим прототипом трикстера может служить образ скандинавского бога Локи, воплощенный в «Старшей» и «Младшей» Эддах.

Другой источник формирования исследуемого архетипа – мировой фольклор, в частности, животный эпос, народные сказки, средневековые шванки и фаблио. Эталонным образцом в этом отношении может служить средневековый «Роман о Лисе», вобравший в себя вышеуказанные фольклорные источники. Именно в этой сатирической эпосе – в образе Лиса

Ренара ярко выражена характерология трикстерного архетипа и типология его сюжетной реализации.

Если прочертить линию развития образа героя-трикстера в литературной традиции, то мы должны отметить, что трикстерные черты были характерны для многих героев плутовского романа XVI – XVIII веков и комедии положений того же периода. Характерный признак литературных героев-трикстеров – их ярко выраженное карнавально-смеховое начало. Но следует отметить, что квинтэссенция трикстерства в мировой литературной традиции может воплощаться в литературных героях в достаточно широком аксиологическом диапазоне. Если распределить всех героев на некой шкале «отрицательных – положительных» персонажей, то на отрицательном – «демоническом» – полюсе окажется Мефистофель из трагедии И.В. Гете «Фауст», а на противоположном – положительном – полюсе окажутся герои карнавально-плутовского ряда типа Труфальдино из комедии К. Гольдони «Слуга двух господ» или Фигаро из комедий Бомарше «Севильский цирюльник, или Тщетная предосторожность» и «Безумный день, или Женитьба Фигаро».

В русской литературе XVII – XIX веков также можно увидеть героев с чертами, характерными для архетипа трикстера. Знаменательно то, что трикстер в русской классике претерпевает изменения: со временем он все чаще обретает черты мелкого беса. Примерами могут служить: черт из произведения Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», черт из кошмара Ивана Карамазова в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, центральный персонаж романа «Бесы» Петр Верховенский этого же автора.

3. Трикстерный комплекс ярко проявился и в русской литературе Серебряного века. Мы полагаем, что реанимация архетипа трикстера в художественной словесности начала XX века кроется в ренессансной природе русского модернизма. Так, ярко выраженную реализацию трикстерного комплекса мы усматриваем в лирической дуэли двух поэтов-символистов – Валерия Брюсова и Андрея Белого, обменявшихся серией стихотворений.

Характерно, что корреспонденты отождествляют себя с персонажами скандинавской мифологии (Брюсов ассоциирует себя – с темной сущностью: богом Локи, а Белого – со светлой сущностью: богом Бальдром). Аналогичное распределение ролей находим и в лирических обращениях Белого, который себя отождествляет с Бальдром, а своего оппонента, соответственно, – с Локи. Все это свидетельствует о возведении и Брюсовым, и Белым своего биографического поведенческого комплекса к мифологическим архетипам.

Мы выяснили, что подобное художественное отождествление повлияло и на реально-жизненные модели поведения обоих поэтов – демонически-

трикстерную у Брюсова и ангельски-жертвенную у Белого. Особенно выпукло это проявилось в ситуации с Валерием Брюсовым, который пытался стереть грань между «текстом жизни» и литературным текстом. Он транспонировал художественную модель поведения в реальность, проявляя при этом одну из характерных черт архетипа трикстера – лимиальность.

Аутентифицируя себя со своим новым лирическим героем-трикстером, Валерий Брюсов все чаще начинает проявлять характеристики, свойственные этому архетипу: поэт провоцирует Андрея Белого на конфликт (одна из ссор чуть не приводит к настоящей дуэли); начинает играть «роль демона», антагониста, злого двойника, обращается к оккультным наукам, гипнозу, называет себя чернокнижником. Своему оппоненту он отдает «роль архангела», и Белый начинает играть эту роль. Брюсов демонстрирует особенности трикстера – стихийного разрушителя, «искусителя», который действует по велению «злого рока» и пытается уничтожить светлое начало (заведомо зная о своем поражении). Почти все, к чему прикасается поэт-трикстер, в большей или меньшей степени рушится – хочет он этого или нет (это можно увидеть даже в его отношениях с женщинами).

4. Дальнейшее развитие героя-трикстера можно увидеть в так называемый советский период. Стоит сказать, что трикстер часто становится актуальным в переломные эпохи, во время смены философских и идеологических парадигм, и он знаменует эту смену.

По справедливому замечанию Марка Липовецкого, в советскую эпоху трикстеры становятся главными героями литературных произведений, анекдотов, фильмов. Значительная часть персонажей, обретших массовую популярность в советской культуре, представляют собой различные версии этого древнего архетипа. Однако теперь перед нами не просто обманщики или коварные божества: на первый план выходят «креативные идиоты» и «злые гении», которые объединяют в себе черты таких персонажей, как «жестокий клоун» и «культурный герой», они ведут «подрывную деятельность», которая парадоксальным образом несет в себе «культуростроительный» эффект. Так, к «советским» трикстерам Липовецкий относит Остапа Бендера из романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев», Беню Крика из одесских рассказов Исаака Бабеля.

Трикстерный комплекс ученый усматривает также и в героях детских советских сказок: в Буратино Алексея Толстого, в Незнайке Николая Носова, в Старухе Шапокляк Эдуарда Успенского и др. Однако, на наш взгляд, в большинстве приведенных случаев сказочные герои обладают лишь некоторыми трикстерными чертами, не определяющими структуру личности указанных персонажей. Липовецкий, говоря о плутовстве и комплексе

трикстера, ставит между ними знак равенства, но мы полагаем, что этого делать не следует, поскольку, к примеру, те же Буратино и Незнайка вызывают в основном, положительную реакцию, при этом теряя аксиологическую амбивалентность, присущую архетипу трикстера.

В «советском трикстере», согласно Липовецкому, проявляется новая черта, которой раньше традиционный трикстер почти не обладал: «меркантильный интерес». Теперь в трикстере преобладает расчетливость. Герой-трикстер все чаще зависит от некоего хозяина и «его мобильность определяется сменой хозяев». Так, исследователь выделяет четыре важнейшие функции «советского трикстера», которые наиболее отчетливо актуализируются в советской культуре: амбивалентность и функция медиатора, лиминальность, трансформация плутовства и трансгрессии в художественный жест, связь трикстера с сакральным контекстом.

5. Образ героя-трикстера «советского периода» ярко воплотился в таких героях романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», как Фагот и Бегемот. В своем обзоре Марк Липовецкий также обращается к героям данного произведения, однако трикстерные черты исследователь видит и в Воланде, мы же считаем, что этот персонаж является лишь наблюдателем и играет роль того самого хозяина, который определяет мобильность трикстерных героев – а именно Коровьева и Бегемота.

Коровьев и Бегемот выступают в роли шутов (арлекинов) и являются носителями «смехового начала». Также в театральном и игровом поведении героев отчетливо проявляется ориентация на «художественный жест». Во всех их действиях усматривается «художественный эффект» – что свойственно «советскому трикстеру».

Кроме того, кот Бегемот проявляет такую трикстерную черту, как зооморфность и оборотничество. А Фагот обладает многими сверхъестественными способностями, например, умением создавать иллюзию вещей и даже исцелять болезни – все эти аспекты роднят данного героя с демиургом, который во многих легендах и мифах является именно трикстером. Поэтому можно сказать, что данные герои в некоторой степени обладают чертами и мифологического трикстера.

Связь булгаковских героев с «сакральным контекстом» можно увидеть в романном двоимирии и мистических элементах романа. К тому же герои проявляют такие функции, как амбивалентность и функция медиатора. Разрушая систему ценностей советской жизни, а также «высмеивая» мораль, жизненные установки советского обывателя и коммунистическую идеологию, они показывают «погрешности» советской системы.

Коровьев и Бегемот обладают лиминальностью. Герои находятся в постоянном движении, и им вполне подходит определение Марка Липовецкого «человек дороги». К тому же оба героя функционируют между двумя мирами. И мы точно не знаем, кто такие Бегемот и Коровьев, откуда они взялись и куда «испарились» после «последнего полета». У этих персонажей как будто нет прошлого и будущего.

Все эти аспекты дают нам основание отнести булгаковских героев, Коровьева и Бегемота, к героям-трикстерам. Но мы хотим отметить, что данные персонажи отличны от своих мифологических и литературных предшественников так как их разрушительная деятельность направлена на восстановление справедливости, разоблачение неправды. Поэтому, если рассматривать представленных героев в общепринятой «демонической парадигме» (как приспешников Сатаны), то это невольно приведет к искажению их философской сущности, а, следовательно – к искажению сути романа. Данные персонажи являются своего рода «кармической» силой, функция которой – восстанавливать нарушенную справедливость, то есть разоблачать зло.

7. В XXI веке классический трикстер почти исчез из литературных произведений и кинематографии, на смену ему пришел более современный его прототип, играющий роль злого гения, безумца, мошенника, вора и шута, более схожий с трикстером «советского периода» и трикстером из плутовских романов. Теперь почти ни одно культовое произведение не обходится хотя бы без одного персонажа данного типа.

Образ отрицательного героя практически исчез со страниц литературных произведений, его заменил амбивалентный герой-трикстер, который нередко несет в себе ярко выраженное смеховое начало. Но следует отметить, что при всех изменениях, которые претерпел образ трикстера за время своего существования, его главные функции и характеристики остались в целом неизменными.

8. Персонажи-трикстеры постмодернистских «детективов» Бориса Акунина не изучены с интересной нам точки зрения, хотя их «трикстерная сущность» проявлена довольно ярко. Мы считаем, что изучение данных героев и произведений под «трикстерным» углом зрения прольет свет на генезис и развитие одного из интереснейших архетипов мировой культуры, а также даст новый импульс к пониманию закономерностей существования литературной традиции. В рамках настоящей работы были проанализированы такие герои, как: граф Зуров и Иван Бриллинг («Азазель»); Князь Пожарский («Статский советник»); Наполеон («Планета вода»).

9. В романе «Азазель» мы видим двух персонажей-трикстеров, которые отличаются друг от друга набором качеств и разными сюжетными функциями. Граф Зуров выступает в роли помощника главного героя, в частности, он спасает ему жизнь. Иван Бриллинг выступает в роли антагониста, злого двойника Фандорина. Персонажи-трикстеры романа находятся на разных аксиологических полюсах (Зуров – «положительный», Бриллинг – «отрицательный»). Каждый из них выполняет свою сюжетную функцию: Зуров – функцию проводника-помощника главного героя; Бриллинг – злая тень Фандорина.

10. «Трикстерный комплекс» многообразно проявлен в образе князя Пожарского из романа «Статский советник». Герой проявляет черты как героя-трикстера «советского» и «современного» периода, так и архетипические черты: он неморален (амбивалентен); заключает в себе архетип Тени, является негативным двойником положительного героя Эраста Фандорина; Пожарский соотносится с образом шута (сломанного, искаженного, «уродливого» человека) и обладает смеховым началом; князь трансформирует плутовство и трансгрессию в художественный жест, для него «жизнь эта игра»; акунинскому герою, как и многим героям-трикстерам, свойственен «эффект гетовского Мефистофеля» (не подозревая и не желая этого, трикстер приносит своим оппонентам благо). Также в данном персонаже мы отчетливо видим одну из главных функций трикстера – провокационную.

11. В технократическом детективе Бориса Акунина «Планета вода» образ героя трикстера раскрывается в таком персонаже, как принц Наполеон. Данный герой сочетает в себе черты безумного гения и разрушителя. Он проявляет нестабильность, связанную с сумасшествием, благодаря которой может действовать нестандартно. Также Наполеон выполняет одну из ключевых функций трикстера – созидает через разрушение.

Нэп обладает чертами демиурга, которые свойственны почти всем мифологическим (архаическим) трикстерам-первопредкам: он возводит собственный город под водой, под его руководством создаются совершенно новые аппараты и виды оружия.

Данный герой, как и его предшественники, амбивалентен. Его нельзя назвать отрицательным персонажем, но и относить его к положительному полюсу также не следует. Отсюда и его двойственная природа, двусмысленность и противоречивость характера. Наполеон представлен в произведении в роли антагониста, противника Фандорина (но при этом не является злым его двойником или тенью) и от классического отрицательного персонажа его отличает указанная амбивалентность.

12. В своих произведениях Борис Акунин обращается к архетипу трикстера несколько раз. Чаще всего автор вводит трикстера в текст, чтобы он играл роль антагониста главного героя (Иван Брилинг, Наполеон, князь Пожарский). Реже автор обращается к трикстерам с функцией «проводника» (Ипполит Зуров). Борис Акунин создает персонажей-двойников, которые одновременно являются антагонистами главного героя. Персонажи восходят к одному мифологическому архетипу и одновременно – в авторской (и читательской) шкале ценностей – противостоят друг другу, играя разные сюжетные роли. Подобное распределение трикстерных функций – находка Бориса Акунина.

В некоторых случаях Акунин четко распределяет функции героев-трикстеров – один играет роль двойника-антагониста (располагается на отрицательном полюсе характерологической «шкалы»), другой играет роль проводника и выполняет функции помощника главного героя с ярко выраженным комическим началом (находится на положительном полюсе характерологической «шкалы») – подобное же распределение мы видим в романе «Азazelь» и «Планета вода». В случае же с князем Пожарским, который содержит в себе и смеховое начало и функции антагониста, можно сказать, что Акунин ставит данного героя на середину трикстерной «шкалы»: герой как бы балансирует между положительным и отрицательным полюсами.

Такая любовь автора к героям-трикстерам не удивительна: Борис Акунин намеренно отказывается от классических отрицательных персонажей. Поведение отрицательного героя чаще всего ожидаемо и закономерно, образ же героя-трикстера непредсказуем. В целом же образ исключительно отрицательного героя практически исчезает со страниц литературных произведений, а на его место приходит герой-трикстер почти всегда с ярко выраженным смеховым началом и моральной амбивалентностью. На смену классическому трикстеру постепенно приходит его более современный прототип, играющий роль злого гения, безумца, мошенника, вора и шута, более схожий с трикстером «советского периода» и трикстером из плутовских романов.

13. Итак, эволюционируя от мифологии к литературе, герой-трикстер во многих случаях утратил свои архаические функции. Так, «современный» трикстер, как правило, перестал иметь прямое отношение к образу демиурга, чаще всего утрачивает такие функции, как: зооморфность и оборотничество, бессознательность, животное начало, способность пересекать границы миров, внутреннюю конфликтность. Однако, утратив некоторые мифологические признаки, трикстер актуализировал другие черты: шутовство, «смеховое начало», склонность к злым шуткам, «детскость»; кроме того, он включает в

себя архетип Тени (образ двойника главного героя). Основными функцией трикстера все чаще становится «провокационная», однако в большинстве случаев трикстер остается амбивалентным, созидая через разрушение. Как и прежде трикстер ставит превыше всего не цель, а сам игровой процесс, однако этот герой все чаще обладает меркантильностью.

Тем не менее трикстер всегда узнаваем: он обладает определенным набором специфических качеств и функций. И хотя не все из них могут быть проявлены, этот типаж является устойчивой риторической конструкцией и всегда опознается по своей поведенческой доминанте, которая четко проявляется в мифологии, литературе и культуре различных эпох.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в журналах, включенных в перечень периодических изданий, рекомендованных ВАК РФ:

1. Комиссарова У.А. Герои-трикстеры в романе Бориса Акунина «Азazelь»: художественные функции и мифологическая проекция // Вестник Тверского государственного университета / Серия: Филология. Тверь: ТГУ, № 1, 2017. С. 56-62;

2. Комиссарова У.А. Комплекс трикстера в романе «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова // Культура и цивилизация. Т. 7, № 1А, 2017 ВАК РФ. С. 232-240;

3. Комиссарова, У.А. Герой-трикстер в романе Бориса Акунина «Планета вода»: художественные функции и мифологическая проекция // Вестник ТвГУ. Серия: «Филология». 2018. №1. С. 201-204.

Публикации в других научных изданиях:

4. Комиссарова У.А. Образ героя-трикстера в русской литературе XXI века // Человек, общество и государство в современном мире: сборник научных трудов международной научно-практической конференции (в 2 томах). Пенза: ПензГТУ, 2016, Т.1. С 223-229;

5. Комиссарова У.А. Герой-трикстер в романе Б. Акунина «Азazelь»: трансформация образа архетипа // Сборник научных трудов студентов, аспирантов и докторантов. Вып. 2016 года. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2016, С. 167-174;

6. Комиссарова У.А. Архетипические концепции трикстера в современном литературоведении // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 11 декабря 2016 г.) / отв. ред. Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. Пенза: ПензГТУ, 2017. С. 314-325;

7. Комиссарова У.А. Образ героя-трикстера в технократическом детективе Бориса Акунина «Планета Вода» // Филологическая наука на современном этапе: проблемы и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции (Пенза, 24 июня 2016 г.) / Министерство

образования и науки РФ, Пензенский государственный технологический университет. Пенза: ПензГТУ, 2016. С. 69-82;

8. Комиссарова У.А. Трикстериада в советской литературе 1020-1930-х годов: комментарии к концепции Марка Липовецкого // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере / Материалы II Международной научно-практической конференции. Пенза: ПензГТУ, 2017. С. 350-357;

9. Комиссарова У.А. «Трикстерная» составляющая в героях «Бесов» Ф.М. Достоевского: Петр Верховенский // Сборник научных трудов студентов, аспирантов и докторантов. Вып. 2017 года. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2017 С. 174-178.

Комиссарова Ульяна Александровна (Россия)
Образ трикстера в модернистской и постмодернистской романной традиции (М.А. Булгаков, Борис Акунин)

Диссертация посвящена исследованию феномена трикстера в модернистской и постмодернистской романной традиции. В данной научной работе впервые проводится анализ образов и модели поведения героев, а также сюжетов романов М. Булгакова и Б. Акунина через трикстерную призму. Это позволяет интерпретировать те характерологические особенности героев, которые в контексте традиционной литературоведческой оптики остаются незамеченными. Также, выявление трикстерного ядра позволяет установить мифогенные истоки романов Булгакова и Акунина и решить вопрос о соотношении модернистской и постмодернистской прозы с культурной традицией, а также уточнить основные признаки трикстерного архетипа, бытующего в классической и современной литературе.

Komissarova Ulyana Aleksandrovna (Russia)
Image of the trickster in modernist and postmodern novelistic tradition
(M.A. Bulgakov, Boris Akunin)

Dissertation is devoted to a research of phenomenon of the trickster in modernist and postmodernists of novelistic tradition. In this scientific work for the first time carried out the analysis of images and behavior model of heroes and also plots of novels of M. Bulgakov and B. Akunin through a triksterny prism. It allows to interpret those characterologic features of heroes which in the context of traditional literary optics remain unnoticed. Also, identification of a triksterny kernel allows to establish mifogenny sources of novels of Bulgakov and Akunin and to resolve an issue of a ratio of modernist and postmodern prose with cultural tradition and also to specify the main signs of the triksterny archetype occurring in classical and modern literature.